

Учёный с важным видом покачал головой и нарочно умолк, подогревая любопытство собравшихся. Лишь вдоволь подразнив их, он неторопливо продолжил:

— В тот год государь отправился в храм поклониться Будде и повстречал супругу Чэнь. Сражённый её неземной красотой, он даровал ей титул, минуя все ступени: не прошло и трёх месяцев после входа во дворец, как она уже звалась супругой Чэнь. Сам иероглиф «Чэнь» свидетельствовал о безграничной любви государя! В годы её фавора, не говоря уж о прочих наложницах, даже императрица видела императора в лучшем случае дважды!

Цзян Чуан усадил Вэнь Цзюэ за свободный столик. Раз Чжияй хочет слушать — пусть слушает с удобством.

О супруге Чэнь генерал знал лишь по уличным пересудам. Все толки сводились к одному: до чего же она была хороша собой, до чего хороши её дети и отчего столь внезапно пала её звезда?

Прежде Цзян Чуана это не занимало. Но теперь дело касалось родной матери Чжияя. Будь она жива, ему пришлось бы звать её матушкой.

К тому же, стоило тому человеку упомянуть супругу Чэнь, как Чжияй рядом с ним умолк. Каково ему сейчас? Обеспокоенный Цзян Чуан всё крепче сжимал его ладонь.

— Ты уже обедал? Может, велеть подать закусок? Будем есть да слушать, как развлечение, — тихо предложил он.

Вэнь Цзюэ покачал головой и ответил ровно, так что Цзян Чуан не разобрал его настроения:

— Не нужно.

— Если тебе не по себе, скажи мне.

Вэнь Цзюэ помедлил и наконец медленно кивнул. Цзян Чуан принялся ласково утешать его:

— Чжияй у меня умница.

А между тем разглагольствования продолжались...

— Ты это зря затеял. В те годы супруга Чэнь была первой во дворце, слава о ней гремела по всей земле. Кто этого не знает? Пойдём, скучно.

Учёный поспешно остановил собеседников:

— Эй! Куда вы торопитесь? Мне же нужно сперва всё объяснить! А знаете ли вы, почему супруга Чэнь, некогда столь любимая, что её вот-вот должны были возвести в императрицы, чьего ещё не родившегося сына уже собирались провозгласить наследным принцем, чья улыбка могла даровать помилование всей Поднебесной, — почему она потом впала в немилость, иссохла от тоски и в конце концов угасла?

— Разве не потому, что красота недолговечна, император непостоянен, а высочайшая милость — что текучая вода: не успеешь оглянуться, как утекла?

Учёный покачал головой:

— Это лишь версия для простого люда. Вы наверняка слышали: супруга Чэнь носила старшего

принца, которого собирались объявить наследным принцем. Но дитя погибло во чреве, не дождавшись положенного срока.

Тогда один великий мастер сумел разглядеть, что судьба супруги Чэнь странна: как ни высчитывай, выходило, будто она — не живой человек! И он, рискуя жизнью, изрёк: если у живого человека выпадает судьба мертвеца — такому не место на этом свете! Пока она жива — в стране не будет покоя!

И правда: когда супруга Чэнь была в фаворе, государь терял из-за неё рассудок и творил что попало. Грубо говоря, не будь родня супруги Чэнь, семья Ли, столь бесталанна, трон уже сменил бы династию на Ли.

А потом, когда супруга Чэнь носила пятого принца, во дворце без всякой видимой причины началась чертовщина. Государыня-императрица пригласила великого мастера для изгнания нечисти. И как раз вскоре после этого супруга Чэнь окончательно впала в немилость. Беременную, её отвергли. А вскоре после рождения пятого принца её не стало.

— Да уж... императорские чувства воистину непостижимы. Увы.

Учёный спросил:

— Неужели вы не уловили самой странности?

Один из книжников задумчиво произнёс:

— Уж не была ли супруга Чэнь... нет-нет, не бывает в мире подобной чертовщины!

— Как это не бывает? Супруга Чэнь... она и не человек вовсе! Верно, в глухих лесах какая-то нечисть украла тело дочери семьи Ли и обольстила государя, чтобы погубить державу. Хорошо ещё, что эта колдунья рожала детей одно за другим и растеряла свою волшеббу — только тогда государыня сумела улучшить миг и призвать мастера для изгнания зла, чтобы пробудить государя!

При словах «государыня-императрица» учёный почтительно сложил руки и поднял их в приветственном жесте. Стоявшие рядом последовали его примеру.

— Вот уж воистину гнусная колдунья! Далин едва не пал от её руки! Счастье, что есть государыня — опора престола непоколебима!

— А рождённые ею старшая принцесса и пятый принц — они люди или...

Учёный сощурился:

— Говорят, старшая принцесса и пятый принц хороши собой настолько, что не похожи на людей. Думайте, крепко думайте!

— Ах... если в жилах старшей принцессы и пятого принца течёт кровь нечисти, не грозит ли это престолу и державе?

— Кто знает? Говорят, государь как раз собирается пожаловать пятому принцу титул князя Цзинь! Мне и раньше казалось странным: с какой стати государь вообще согласился на брак, даже если пятый принц сам этого требовал? Теперь ясно — тут сокрыт великий смысл!

— В таком случае и слепота пятого принца, возможно...

Если бы не Вэнь Цзюэ, удерживавший его, Цзян Чуан непременно набил бы каждому из них морду до неузнаваемости. Что за чушь они несут? И это образованные люди? Всю учёность свою псам скормили!

Вэнь Цзюэ не гневался. Лишь при упоминании матушки в душе заскребли тоска и горечь. Ему навсегда останется лишь по чужим рассказам представлять, какою она была.

Впрочем, дослушав до конца, он в душе всё понял. Тяжко же этому учёному: служить двум господам сразу и не бояться обломать зубы.

Он не ожидал, что достаточно было лишь слегка пустить слух и подбить пару человек, чтобы тот, другой, так поспешно клюнул на приманку, торопясь облить его грязью.

Ну что ж, подумал Вэнь Цзюэ, тогда он ещё немного подтолкнёт, чтобы кукловод сорвался в бездонную пропасть.

Дальнейшее он мог предугадать и без слушаний. Вэнь Цзюэ поднялся и увлёк Цзян Чуана к выходу.

В карете Цзян Чуан всё не унимался:

— Может, всё же послать людей отколотить их? Или устроить так, чтобы перекрыть им путь к чиновничьей карьере?

Вэнь Цзюэ уже снял шляпу, и Цзян Чуан, обхватив ладонями его лицо, бережно массировал виски, где от шляпы остались вмятины.

От его ладоней щёки Вэнь Цзюэ слегка сжались и округлились — он стал похож на надувшегося ребёнка. Не удержавшись, Цзян Чуан поцеловал его в губы — с такой силой, что они сплющились.

Вэнь Цзюэ с трудом выговорил:

— Супруг целует так пылко! У меня от твоей щетины всё лицо исколото.

Услышав это, Цзян Чуан выпустил его лицо и потрогал подбородок:

— Правда? Я же брился перед утренней аудиенцией! Неужели так быстро отросла? Быть того не может! Я не чета тем неотёсаным мужланам из казармы!

Вэнь Цзюэ потёр губы и улыбнулся:

— Нет, неправда!

Цзян Чуан с облегчением выдохнул и легонько ущипнул его за щёку:

— Ах ты плут! Вздумал обманывать меня!

Хотя... разве Чжияй не обманывает его постоянно?

Но... — Главное — ты улыбнулся, — приобнял его Цзян Чуан. — Улыбайся почаще. От твоей улыбки моё сердце тает.

Цзян Чуан всегда был очень тёплым, и в его объятиях Вэнь Цзюэ казалось, будто его окутывает

солнце, разгоняя мрак, скопившийся на дне души.

Но как ни согревайся, тепло это не навсегда. Вэнь Цзюэ невольно подумал с тоской.

— Всё, что делал этот учёный, — по чужому наущению. Они хотят поссорить нас с тобой и лишить меня с сестрой надежды когда-либо подняться. Пусть даже я стал бы всего лишь праздным князем — и этого им не надобно. За всем этим, как ни крути, стоят мои собственные братья.

В императорской семье вражда между братьями была делом обычным.

— Шестой императорский брат... или третий императорский брат? — Вэнь Цзюэ поднял голову и спросил:

— Юньчуань, как думаешь, кто из них?

Глядя в его пустые, но притворно-любопытные глаза, Цзян Чуан с облегчением вздохнул: Чжиюй испытывает его.

Пусть испытывает! Цзян Чуан только рад, если супруг станет проверять его хоть каждый день, лишь бы на душе у него было спокойнее.

<http://bllate.org/book/20326/2029328>